

Прыгать или нет.

Простой, но жизненно важный вопрос, почти заглушенный шумом беспечных незнакомцев. Смешение голосов, как песни чистилища или смех насмешливых дьяволов ада. Все это достигло Корделии, как веера ее неуверенного пламени.

Это всего лишь шум, сказала себе Корделия и была наполовину убеждена этим. В конце концов, ее внутреннее смятение было достаточным шумом. Даже сейчас, в этой точке невозврата, множество сталкивающихся аргументов все еще боролись за то, чтобы их протесты были услышаны. Голоса, которые выползали из ее мозга со всех сторон хорами призывов к разуму, нытье страха и отчаяния, и громче всего над ними хихиканье разума, который давно уже перевалил через край. Они обсуждали простой вопрос, даже когда ее ноги немели на выступе.

Прыгать или нет.

Ветер там был холодным, даже леденящим. Они прижали ткань ее одежды к ее телу. Что было отвратительно: пропитанное ее рвотой и чьей-то слюной. Вещество также прилипло к ее волосам, но ветер давно уже унес их. В наступающих сумерках ее темные, сухие и спутанные локоны развевались, как рваное знамя какого-то проигранного дела.

Корделия моргнула, прикрывая глаза от света фонарика.

У них даже не хватило совести выключить вспышку камер своих телефонов. Но в конце концов, темнело, и было что-то, что могло бы помочь сделать четкие, нелюбимые снимки той сумасшедшей девчонки на крыше школы.

Уже настолько оцепеневшая, она едва могла заметить или поддаться гневу. Оцепеневшая от ветра, холода и многого другого. И это удерживало ее от сильных эмоций. Хотя никто не воспринимал ее всерьез даже сейчас. Хотя некоторые девочки и мальчики начали предлагать пари. Это было слишком далеко, возможно, даже для кучки жестоких подростков. Но правда в том, что они просто никогда не верили, что она прыгнет.

Она была всего лишь наивной девочкой, которая думала, что, угрожая самоубийством, эти хулиганы больше никогда ее не побеспокоят.

Ни за что.

Эта мысль почти подтолкнула ее к действию, к последнему прыжку. Как будто такие банальные хулиганы могли заставить ее пойти по такому пути. Как будто эти следы на ее лице, три длинных глубоких пореза, нанесенных ею самой, — не были нанесены ее собственной рукой именно для того, чтобы ее презирали живые.

Нет, они даже не могли себе представить причину.

Но в последний момент ее тело дрогнуло. Еще нет. Последний сигнал еще не пришел. И то, чего она ждала, она не могла сейчас торопиться.

И с мыслью об этом сигнале, какое-то яркое воспоминание, чрезвычайно теплое и ностальгическое, пришло ей на ум. Его блеск почти ослепил ее. Это было похоже на вспышку жизни глазами умирающего человека. За исключением того, что она еще не умирала. Она только достигла порога последних сожалений. И это воспоминание, это предвкушение, оно поддерживало ее в этот момент для короткой передышки от тьмы, наяву сон о летних днях давно-давно прошедших, когда жизнь еще не погрузилась в сточную канаву, лицо девушки, которую она не могла вспомнить, тепло, голос, прикосновение...

Это было словно мир, далекий сейчас. Совсем другая жизнь. Ничего для нее, кроме какой-то унаследованной памяти. Какой-то след мечты. Она больше не была тем человеком того времени. Она пала. И, вероятно, тот человек тоже теперь не был прежним.

Пока Корделия пребывал в этих мыслях, он наконец прозвучал: последний сигнал. Горизонт приобрел огненный оттенок, отмечая конец дня.

Закат.

Глупо и, честно говоря, безнадежно романтично откладывать свою смерть на закат. Глупо притворяться, что этот конец жалкого дня был таким же, как эти обнадеживающие рассветы, которые они разделили когда-то давно. И, возможно, с давних пор та девушка перестала любоваться рассветом в той невинной и почти детской манере. Но это не имело значения, в это время дня, когда солнце встречается с землей, Корделия могла притворяться, что никто из них не изменился, что жизнь не повернула по такому темному пути с тех пор. И все, что когда-то было, будет увековечено в ее душе, как и то горящее небесное существо на небесах. Она могла притворяться, что угасающий свет, жалящий ее глаза прямо сейчас, был вместо этого ярким и невероятно теплым рассветом. Тем, который пришел после долгой-долгой ночи.

Но затем последний луч солнца опустил за неровную линию городских зданий. И все, что осталось, не имело значения. И она увидела свой последний закат.

Глубоко вдохнув, Корделия рискнула взглянуть на землю. Землю, что лежала далеко внизу, заполненную обеспокоенными, сердитыми лицами.

Насколько же они были громкими для таких крошечных людей. Их шумы кружили ей голову. Головокружение скручивало ее живот так, что она почти отступала назад.

Живи. Живи. Живи. Живи.

Голос донимал ее изнутри. Все остальное померкло.

«Как раздражает», — сказала она.

И прыгнул.

Кордила проснулась от звуков чьего-то плача. Туман в ее сознании говорил о прохождении непредвиденного промежутка часов или лет во время ее сна. Ее первое выражение, легкая и ироническая улыбка, выдавало какую-то глупую радость. Думать, что ее смерть все еще будет оплакиваться кем-то, что ее отсутствие все еще может лишить кого-то в этом мрачном мире радости. Потом она передумала. Она, по-видимому, еще не умерла. Потому что она могла слышать и могла думать, и поэтому было ясно, что она все еще должна существовать.

По мере того, как ее сознание прояснялось, шумные причитания становились все более яркими, громко отдаваясь эхом со всех сторон, пронзая ее барабанные перепонки. Кто-то, кто не был ею, должно быть, только что умер неподалеку. И кто-то, кто не был ее родственником, горевал об этом. Повезло им.

Она открыла глаза и увидела всеобъемлющую серость, не намного более живую, чем задняя часть ее век. С большим усилием она заставила свое усталое тело подняться и начала ощупью двигаться. Несмотря на то, что ее тело было напряжено, оно не чувствовало ни малейшей боли. Она, должно быть, спала очень долго, чтобы так хорошо оправиться от падения.

В комнате было достаточно места для передвижения, но мало что можно было увидеть, когда ее глаза привыкли к темноте. Стены были серыми, пол цвета пыли, плитку, на которой она лежала, невозможно было отличить от остальной части комнаты. Даже морг не мог быть настолько немеблированным. И свет, если его можно было так назвать, был настолько ровным, что она не видела никаких теней. Даже своих собственных.

И было холодно, очень холодно.

Через мгновение Корделия стала раздражаться от раздражающего и постоянного плача. Она поднялась, ее босые ноги были окутаны густой пылью, платье из неизвестного материала прилипло к ее телу. Дверной проем был всего лишь прямоугольным сооружением в стене. Не было никакой панели, которая могла бы отделить монотонность внутри от внешней.

За пределами комнаты та же самая монотонная серость тянулась до бесконечности, с обеих сторон ее окружали стены и, с интервалами, прямоугольные дверные проемы. И эти комнаты вдоль этого бесконечного коридора, о которых она уже догадывалась, были такими же безликими, как и та, в которой она только что находилась.

Она покачала головой, пытаясь прогнать назойливые подозрения о природе этого места. Как человек, который до сих пор был бесцельным, она внезапно решила выяснить источник воя, и, возможно, затем сказать человеку, чтобы он заткнулся к чертям.

Еще одна любопытная вещь. Когда сонливость прошла, ее разум был ясен и свободен от тумана, как не было со дня смерти ее матери. С того дня, как ее забрал к себе дядя. Густой туман, который образовался в тот день и так и не рассеялся, теперь не был виден.

Как странно. Она вздрогнула. Как будто она стала совсем другим человеком.

Или, может быть, она просто вернулась к тому, какой была до тумана?

Нет. Корделия возобновила свои ровные шаги. Это было глупо. Это было принятие желаемого за действительное. Люди не возвращаются к своим прежним «я». Шрамы не заживают. Ей следовало бы знать лучше, чем допускать такие мысли. Это была лишь передышка, краткий отдых перед тем, как эти темные эмоции и их причина снова дадут о себе знать.

В конце концов, и в первую очередь, она просто хотела покоя.

И все же она боялась даже прикоснуться к своему лицу, опасаясь, что шрамов больше не будет.

Одна, две, три... Она считала комнаты, пока шла и искала.

Она почти случайно наткнулась на плачущего человека. В дальней стороне комнаты, как и в любой другой, сидела женщина, повернувшись спиной к двери. Серая шаль почти скрывала ее с головы до ног; ее плечи пульсировали от бесконечных рыданий.

С тихим вздохом облегчения Корделия подошла к незнакомой женщине, не зная, следует ли ей сделать ей выговор за резкие звуки или предложить ей слово утешения.

Несмотря на всю свою осторожность, она наклонилась, чтобы покачать худое плечо, и чуть не споткнулась вперед. Женщина была легкой, слишком легкой, как будто у нее не было веса, массы. И шаль поддавалась нежнейшему прикосновению Корделии. Все это упало. И она обнаружила, что это была только шаль — прозрачная ткань — ничего больше под ней, никакой женщины, ничего. Только воздух.

Даже когда она стояла там, молча сжимая в руке бесхозную шаль, вопли не исчезали вместе с присутствием, а вместо этого усилились до оглушительной силы. Ковер пыли вибрировал от рева причитаний или насмешливого горя. Ее чувства больше не могли определить направление источника этого звука, поскольку он, казалось, исходил со всех сторон одновременно. Озадаченная, Корделия отбросила шаль, как будто это была проклятая вещь. Она вывалилась из комнаты и побежала по коридору неуверенными шагами. Ее душа инстинктивно испугалась. Было слишком поздно бояться смерти, но то, что там, казалось, обещало больше, чем просто

конец ее бытия. Первобытный ужас подгонял ее ноги так, как не мог простой инстинкт выживания. И она держала линию своего взгляда прямо, слишком боясь взглянуть хотя бы раз на дверные проемы по пути, чтобы вид какого-то ужаса не заморозил ее страхом.

Это был, без сомнения, женский голос, но голос бестелесный, гнавшийся за ней по пятам.

Беги. Сказала она себе. Беги. Беги. И продолжала бежать.

Но коридор не имел конца. Она начала понимать это только после вечности бега сломя голову. Никакого конца этому серому и унылому месту. Теперь она знала, поскольку страх и ужас медленно овладевали ее разумом. Это не могло быть местом для живых существ. Осознание или его отсутствие подкрадывалось к ней, пока она бежала неумело, спотыкаясь на каждом шагу. Ее чувства были в бреду, ее движения были вялыми, как будто под водой, вкус на кончике ее языка был пустым, ни горьким, ни сухим. Это было так, как будто она шла во сне. Сне о долгом, долгом сне. И она снова погрузилась в сон, хотя ее ноги продолжали бежать.

Завеса тьмы внезапно опустилась.

Ослепленная, Корделия зацепилась ногами за неровную землю, ударившись головой о твердый пол. Ее свет погас.

Наконец она лежала там, оцепеневшая и бесчувственная в безликой черноте своих век. И бесстрастно Корделия подумала, что это больше похоже на загробную жизнь, которую она ожидала. Бесконечная тьма. И все тихо.

И все же, против ее желания, нечеткость, затуманившая ее мозг, начала рассеиваться снова. В этой идеальной темноте медленно вырастал новый узор звуков, отличный от жутких причитаний. Что-то более ясное и внятное. Пока вопли не прекратились.

«Иди сюда, — раздался в ее ушах отчетливый голос, — сюда».

Этот был настоящим, у него было направление, к которому он манил, и в отличие от бессмысленных воплей, он говорил разумными словами и командным тоном, который даже она могла понять.

И вот она вскочила на ноги и пошла за ним, словно оживший труп.

Ты слишком долго шла, голос продолжал разговорно, даже когда она ушла, Что задержало тебя, девочка? Ты так склонна отказываться от жизни? Мой дар не такой скупой, как могут даровать добрые боги. Тебе нужно лишь следовать по пути, который я проложил. Поторопись!

И действительно, впереди замигала освещенная тропа, обрамленная с обеих сторон стенами не серого цвета: темно-зеленого и фиолетового. Стена казалась отражающей, местность неровной.

И никакого потолка над головой, но ночное небо сверкало странными звездами. А что было позади — она оглянулась через плечо — только тьма.

Корделия сглотнула, затем шагнула дальше, ровные шаги были загипнотизированы манящими словами. На самом деле был только один путь, хотя и со множеством изгибов и поворотов. Не было никаких развилок, которые она могла бы выбрать ошибочно. Один путь. На котором она чувствовала себя в ловушке. И все же исчезли странные страхи, которые были раньше, замененные теперь острым чувством повиновения, из-за смертного и реалистичного страха, который казался бесконечно более терпимым. Она почувствовала себя в большей безопасности и ускорила свои шаги.

Тропа вела Корделию уменьшающимися кругами, спиралью спускаясь внутрь. Ее шаги раздавались эхом, и она чувствовала, как напряженный взгляд следит за ее путем. Как будто у звезд и стен были глаза. И пока она считала повороты, она вспомнила то, что ей сказали давным-давно, в более светлые дни, приятным голосом, наполненным теплом.

В лабиринте нет разветвлений, только в лабиринте они есть.

Так вот это был лабиринт. И она направлялась к его центру.

Ах! Ты приближаешься. Приди, приди! Пусть мои глаза наслаждаются той, которую я избрал для своих огромных амбиций!

Вздвогнув, Корделия сделала последний поворот и вышла в просторный двор, обнесенный тем же фиолетово-зеленым материалом. В его неосвещенном центре маячила фигура размером с дом. Беспричинный свет, казалось, избегал освещать ее конкретно. И она увидела только, что мягкая почва у ее основания была продавлена огромной массой.

Оттуда донесся эхом голос.

«Наконец-то! Хихихи! Какой же ты некрасивый, слуга! Какой безвольный, какой жалкий призрак! Такое создание, которое можно растоптать!»

Насмешка задела Корделию, и она набралась смелости заговорить. «Я ведь мертва, не так ли? Так что выкладывай... Ты дьявол? Это ад?»

«Дьявол?» Раздался смешок. Откуда ни возьмись, Корделия предположила, что это женщина, хотя она не знала, был ли говорящий вообще человеком. «А, полагаю, по некоторым подсчетам, мой вид сопоставим с существами, которых ваша раса считает дьяволами. Но мы предпочитаем более лестные названия, видите ли. Например, Племя Дану, Волшебный Народ — феи, если можно так выразиться».

«Феи прекрасны», — автоматически сказала Корделия и сама удивилась своему спокойному

замечанию.

«И я прекрасна, девушка, по всем смертным и бессмертным меркам! Как невежливо с твоей стороны подозревать обратное! Ах, ну, я думала избавить тебя от страха, пока мы не познакомимся поближе, но раз ты настаиваешь, давай перейдем к лицу!»

Громкий гул прорезал грохочущий голос, и огромная фигура поднялась в воздух.

Корделия отшатнулась.

То мерзкое, что она подозревала в неосвященной вещи, было на самом деле далеко от настоящего ужаса. Взгляните и увидите, что ее глаза сделали, она не могла поверить в абсурд, который затем открылся. Она закричала.

Форма замерла в воздухе и раскололась на горизонтальные половинки. Изнутри выскочило скользкое нечто. В то же время оно стряхнуло с себя осязаемую тьму двора. И там псевдолунный свет показал ужасную змею. Или, скорее, голову, которую. Когда тело вытянулось вниз от огромной головы и побежало за освещенный двор. Оно тянулось все дальше и дальше. Теперь Корделия поняла, что проклятая змея сама была лабиринтом, скользкие стены — непостижимая плоть извивающегося тела.

Затем голова опустилась, на которой, словно зияющая пасть вулкана, выглянула ужасная маска развращающего зла, ее глаза пылали, ее мощь была неоспорима. Раздвоенный язык скользил внутрь и наружу, каждый кончик которого мог охватить человека целиком.

«А-шишиши», — прошипел змей, — «Радостное смертное отчаяние! Я никогда не устану от визга загнанных в угол крыс! Я приветствую тебя на своей службе, слуга! Не отчаивайся!»

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4447056>